

НАВѢСТЪ ВЪ СТЕШИ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ НОВАГО РОМАНА.

=

Дѣйствіе происходитъ въ 1628 году. Въ это время Малороссія была подъ владычествомъ Польши. Поляки угнетали народъ съ жестокостію, не имѣвшею предѣловъ. Гоненіе за Унію увеличивалось болѣе и болѣе; — Украинцы, вѣрные православію, ежедневно гибли въ страшныхъ пыткахъ. Это увеличивало въ народѣ ненависть къ новой вѣрѣ и ко всемъ уніатамъ и католикамъ.

— Горькая у васъ невзгода, пане дядьку, сказалъ запорожець Запиканка: Ляхи совсѣмъ завладѣли Украиною, ворушаютъ, какъ хотятъ, и вамп, и вашимъ добромъ: казаки стали польскими холопами, ваши священники каждый день умираютъ въ пыткахъ; изъ церквей ляхи подѣлали конюшни, мучатъ васъ; отнимаютъ женъ и дочерей, да ругаются надъ ними.... Пропала ваша казацкая честь! Толп у насъ въ Запорожскомъ войскѣ! Не даромъ же весь свѣтъ зоветъ его славнымъ Запорожскимъ войскомъ! Чтò намъ Ляхъ, чтò Татаринъ, самъ Турка ни почемъ! — Бьемъ, душимъ ихъ, да еще съ нихъ же беремъ золото мѣшками! — Гуляй душа!... Вотъ хоть-бы и прошлымъ лѣтомъ! Досталось отъ насъ Туркамъ и Татарамъ, всемъ на порядкахъ досталось. Хитеръ вражій сынъ Татаринъ; знатный изъ него наѣздникъ, — да и запорожца не *взялъ катъ* (*), прибавилъ Запиканка, гордо закручивая за ухо *оселедецъ* (**), и запорожцу не кладь пальца въ ротъ.

(*) *Не взялъ его катъ*, равносильно выраженію: «не ударить лицомъ въ грязь».

(**) Длинный чубъ.

— Чтò-жъ тамъ такое приключилось? спросилъ Тарасъ съ сильнымъ любопытствомъ.

Тарасъ въ молодости повоевалъ вдоволь; онъ былъ тогда на счету самыхъ храбрыхъ и удалыхъ казаковъ; не удивительно, что и подъ старость слова: «война, набѣгъ, битва съ Татарами,» — со всею силою отзывались въ душѣ его.

— Слыхали мы о вашихъ битвахъ съ Татарами. Было время, что и моя рука не даромъ держала саблю; и отъ меня не разъ валился и Ляхъ, и Турокъ, и Татаринъ, — да все это давно миновало; *отмолодечился* твой дядько! Расскажи, племянничку, о вашихъ молодецкихъ дѣлахъ; будто сердцу станетъ по-легче, когда слышишь, что хоть на Запорожьѣ не сгинула еще казачья слава!

— И не сгинетъ, дядьку, ей-Богу не сгинетъ, воскликнулъ съ жаромъ Запиканка, сильно ударивъ кулакомъ по столу. Не таковы запорожцы! Дай только запорожцу коня либо чолнъ, да добрую саблю, да укажи врага, — и будь врагъ тотъ хоть въ глубинѣ степи, хоть на бездонномъ морѣ, — гдѣ-нибудь, — а запорожецъ достанетъ супостата: вѣдь на то онъ и есть запорожецъ! А татарвѣ поганой ужъ дали мы знать прошлое лѣто; да такъ знатно ухитрился, что имъ и въ голову не пришло, какъ они такъ оплошали.

— Чудное ты говоришь? Какъ же, въ чемъ оплошали?

— Ге! какъ! Вѣдь на то Господь и далъ запорожцу голову, чтобы могъ перехитрить самого чорта, не только Крымца либо Нагайца. А дѣло было вотъ какъ! Таки и я тутъ былъ не послѣдня спица въ колесницѣ! гмъ!

Долго мы грызли зубы на заклятыхъ враговъ нашихъ Крымцевъ. Ужъ сколько лѣтъ съ ряду подстерегали ихъ въ степяхъ, да нѣтъ, ничего не взяли! Бывало, сторожили по цѣлымъ недѣлямъ, нѣтъ, что ты себѣ хочешь! Проскользнуть мимо рукъ, проклятые! Вотъ иногда будто и попалъ на слѣдъ, или высмотришь нѣсколько ихнихъ отрядовъ, — что жъ? погонишься, догоняешь, а они лишь только завидятъ насъ своими узенькими глазами, — глядь, и рассыпались какъ саранча, кто-куда горазды! Ты гонишься за сотнею, а тысячѣ, либо двумъ и слѣдъ простылъ. Межъ-тѣмъ ты только всего-на-всего видѣлъ дватри, много четыре отряда. Думаешь, что ихъ только и есть, —

вге! такъ-то и угадал! Выѣдутъ изъ глубины степей, раздѣлятся на десять либо пятнадцать, а можетъ и двадцать отрядовъ; одна половина кинется на-право, другая половина на-лѣво, — ѣдутъ, ѣдутъ; сторожевые вперед, все разглядываютъ: нѣтъ-ли гдѣ казацкой засады, да ловятъ нашего брата, застигнувъ въ-расплахъ. А тамъ, лишь только догадаются, что мы ихъ позапримѣтили, — вотъ тутъ-то и подымутся на хитрости: каждый отрядъ скачетъ кто-куда попалъ, а лишь завидятъ, что наши догоняютъ — разсыплются еще пуще по степи, чтобъ совсѣмъ сбить насъ съ толку: куда ихъ настоящий путь. — Конни-жъ у нихъ сущіе дьяволы, — несутся словно вихорь какой, — правда и нашихъ не *взялъ катъ*, — да нѣтъ, не угодняешься въ степи за Татаринномъ, когда онъ наровитъ не биться съ тобою, а какъ-бы обмануть да улизнуть отъ тебя. Проклятый народъ! Пусть каженъ разъ и перебьемъ ихъ какую-нибудь сотню, другую, — ну хоть тысячу, либо и больше, — да что съ того, коли десятокъ тысячъ прорвалось въ границы Украйны, либо Польши, и тамъ подымутъ такой грабежъ да рѣзню, что Боже упаси! Оно, конечно, дядьку, кто и говоритъ! Пускай бы себѣ рѣзали да таскали въ неволю вражьихъ недоевѣрковъ Ляховъ, туда имъ и дорога! Да вѣдь въ томъ бѣда, что бусурманы не разбираютъ: кто православный, кто нѣтъ, — всѣмъ одна недоля. Вотъ потомъ станешь ихъ поджидать изъ набѣга. Что же? опять таже потѣха! Опять-таки проведутъ, проклятые! Вѣстимо, подстережемъ и тутъ, и поколотимъ на порядкахъ, и добычи такъ отнимемъ не мало, — да что-жъ съ того, коли главная сила не далась въ руки, а съ нею и лучшую-то добычу будто изъ рукъ у тебя вырвали.

Много лѣтъ ухитрился мы, думали и то и сѣ, и такъ и этакъ, — нѣтъ, — Татарину словно самъ чортъ подскажетъ, гдѣ лучше пробраться черезъ степь къ границамъ и гдѣ потомъ безопасно укрыться съ добычею.

Въ прошломъ лѣтѣ мы такъ ухитрились и вотъ какъ все было! Слушай же, дядьку, да и смѣкай дѣломъ.

Ты самъ воевывалъ съ Татарами, такъ и знаешь, какъ у нихъ что ведется. Такъ оно осталось все и теперь. Пустившись на грабежъ, раздѣлятся, разсыплются по степи, обмануть бы запорожцевъ, а тамъ, лишь оставить насъ далеко назадъ,

снова соберутся вмѣстѣ, гдѣ тамъ у нихъ напередъ положено. Возвращаются изъ набѣга — та-же оказія! Разбѣгутся по степи, оставятъ слѣды на всѣ четыре стороны, — ищи гдѣ хочешь! А тамъ, какъ заѣдутъ въ глубину степей, — сберутся въ одной какой-нибудь ложинѣ для отдыха и дѣлежа добычи. Тутъ остаются иногда цѣлую недѣлю. На это-то наши старики и мѣтили. Степи мы знаемъ не хуже всякаго Татарина и крѣпко-на-крѣпко запоматовали, въ какихъ мѣстахъ Татары останавливаются послѣ набѣговъ. Знать-то мы знали, да вотъ въ чемъ бѣда: мѣстъ такихъ, можетъ, больше двадцати, — и раскиданы Богъ-знаетъ гдѣ по степи. Хитеръ, вражій народъ! Хоть-бы сказать о мѣстахъ гдѣ отдыхаютъ, — гляди, какъ ухитряются: одинъ такія мѣста въ самой глуши на восходѣ, другія верстѣ на сто отъ нихъ на заходѣ солнца, третьи невѣсть — гдѣ на полдень. Вотъ ты и стереги врага гдѣ хочешь! Ты караулишь, либо отыскиваешь его на-право, а онъ отъ тебя дня на два пути на-лѣво; — ты кинешься на-лѣво, — а онъ въ то время гдѣ-нибудь затаился въ самой срединѣ степей. И гдѣ расположится, раскинетъ сторожевыхъ, такъ-что они слѣдятъ по степи сколько глазъ завидитъ, а ужъ чего не завидятъ во время, проклятушіе узкоглазцы! — Вотъ тутъ ты и лови Татаръ какъ хочешь! Знай навѣрное гдѣ скрываются, можно-бы ночью подкрасться, — а когда ищешь врага по такимъ страшнымъ степямъ, не зная, невѣдая гдѣ онъ: въ двадцати — ли верстахъ отъ тебя, или въ двухстахъ; на-право-ли, на-лѣво-ли, назадъ или прямо? — куда ты будешь подкрадываться?

А мы, пане дядьку, всё-таки ухитрились! примолвилъ запорожець, покрутивъ усы. Да ужъ дозвоьте, дядьку, еще по чаркѣ.... Славная горѣлка, да и перецъ въ ней, — не взявъ его катъ! — такъ и жжетъ во рту! (онъ выпилъ чарку). Еще-жъ таки треба, надобно и люльку (трубку) затягнуть; безъ люльки какъ-то оно языкъ путается. У меня-жъ и тютюнецъ (табачокъ) таки на порядкахъ; — дозвоьте — пожалуйста и вы, дядьку.

— Добрый тютюнъ, нечего сказать, отвѣчалъ Тарасъ, закуривъ люльку. — Ну какъ-же вы тамъ ухитрились?

— Э, какъ! А вотъ:

Пастала весна, близко уже и лѣто; крѣпко сторожимъ мы

Татарь, а ихъ все нѣтъ. Насъ было тысячь съ пятнадцать; двѣ трети скрывались въ глубокихъ лощинахъ, а остальная треть прикрывала тѣхъ, такъ-что Татары только и могли знать о пяти тысячахъ. Межъ-тѣмъ, подъ рукою распускались слухъ, что знатная сила запорожцевъ ушла погулять въ Польшу. Да-таки и отправили туда двѣ-три сотни казаковъ; тѣ выжгли нѣсколько деревень, разогнавши Ляховъ, чтобы, знаешь, скорѣе пронесся слухъ о набѣгѣ нашихъ. Татары и повѣрь всему. — Разъ глядимъ, — скачутъ со всѣхъ сторонъ наши сторожевые. Время было къ вечеру. — «Татары, Татары!» кричали они еще издали, махая нагайками... Намъ того и надо. Тотчасъ пять тысячь нашихъ на коней, — да въ догонку за Татарами, поколотить, кто подвернулся подъ руку, а потомъ остаться сторожить, для виду, возврата врага изъ набѣга. Межъ-тѣмъ мы, всѣ десять тысячь, не подмѣченные Татарами, кинулись въ средину степей. Ыдемъ часть, Ыдемъ два; ночь зги не видно; глядь назадъ — огонь, еще и еще. То, дядьку, пылали по-надъ Днѣпромъ сторожевыя фигуры (*). Ыхали мы въ разсыпную и по разнымъ направленимъ; одно для того, что трава скорѣе встанетъ, когда по одному мѣсту пройдутъ не многіе, а встанетъ трава, такъ и слѣдъ твой простынетъ; другое для того, что еслибы сторожевые Татары оставались въ степи, они не знали-бы сколько насъ и куда Ыдемъ, и навѣрное сочли-бы за нашихъ товарищей, которые нарочно высланы были въ догонку; а третье для того, что вотъ увидишь, когда стану рассказывать дальше. Ыдемъ мы да Ыдемъ и все глуше и глуше степь; Ыдемъ день, Ыдемъ другой, — а впередъ Ыхать еще дальше. Широко, раздольно въ степи! есть гдѣ поразойтись казацкой душѣ! На четвертый день встрѣтили мы первое мѣсто, гдѣ пристають Татары; то была длинная, глубокая долина. Остановились. Ты знаешь, дядьку, что могила (**) въ степяхъ, считай не перечесть, — вотъ и по-бли-

(*) Фигурами назывались высокіе конусы, составленные изъ пустыхъ смоленыхъ бочекъ, поставленныхъ одна на другую. Такія фигуры, на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой, были поставлены вездѣ по берегу Днѣпра. Лишь только сторожевые казаки замѣчали приближеніе непріятеля, они спѣшили дать знать объ этомъ стражѣ у ближайшей фигуры, — фигура тотчасъ зажигалась, — за нею быстро, одна по другой, зажигались фигуры на всемъ протяженіи Днѣпра. Это былъ сигналъ жителямъ о близости Татаръ.

(**) Могилами называютъ въ Украинѣ высокіе степные курганы.

зости долины, гдѣ мы остановились, было двѣ могилы. Тотчасъ одну обступили казаки и припались за заступы; — съ одного боку могилы, къ вершинѣ, бережно сняли первый слой земли, какъ была, съ высокою травою. Потомъ стали рыться въ глубь. Меньше чемъ въ два часа яма была готова: сверху, сколько можно было, уже, въ срединѣ и внизу по-просторѣе. Кинули жеребій межъ казаками, — слава Богу, пришлось не мнѣ! А кому пришлось — тотъ перекрестился, вошелъ въ яму, еще разъ перекрестился. «Прощайте, говорятъ, братцы, — да молитесь Богу не о томъ, чтобъ намъ свидѣться, а о томъ, чтобы лучше мнѣ не выходить изъ могилы, только бы сослужить вамъ службу.» — То былъ, дядьку, *характерникъ*, замѣтилъ Запиканка.

Жаль стало человѣка, — вотъ-будто живаго на смерть зарывали въ землю.

— Охъ какъ страшно! воскликнула сестра Запиканки, закрывъ лицо руками.

— Будутъ еще не такія страсти! замѣтилъ Запиканка, и потомъ продолжалъ: только казакъ прыгнулъ въ яму съ своимъ копьемъ, да успѣли положить ему хлѣба, поставить воды, — тотчасъ утвердили въ ямѣ жерди, на нихъ положили камынь, — у насъ все было запасено, — а тамъ и пошли валить землю. Заваляли; на самый верхъ положили тотъ слой съ травою, что вотъ я говорилъ, — ну и дѣло съ концемъ; все припаровили какъ было, приподняли траву, что при работѣ вокругъ ямы немного понзмялась, — только и примѣты, что двѣ отдушины изъ ямы; да слѣдъ въ томъ, что разглядѣть ихъ можно было лишь прилегши къ самой землѣ, и тутъ незнающему будетъ еще не въ-догадъ, отчего онѣ и какъ. Кончили все — и поскакали далѣе. — Э! постой, казаче, прервалъ дядя. Вы хлопотали, не примѣтили бы Татары, что вы тамъ творили, а земля то? вѣдь не вошла же она вся въ яму, когда тамъ остался человѣкъ?

— И забылъ сказать, дядьку! Видишь-ли, только начали копнуть яму, то вокругъ разослали конскія попоны, спивъ ихъ на живую нитку, а землю всю бережно всыпали въ торбы и потомъ уже, схавши, разсыпали въ разныхъ мѣстахъ по степи.

— Вотъ теперь такъ!

— Оно такъ и было; я же сначала говорилъ, что мы перехитрили самыхъ Татаръ, — а кто, кромѣ черта, — прости Господи! — такъ хитеръ, какъ Татаринъ? Теперь видишь-ли, дядьку, что, припавшись хитрить, мы и ѣхали, и работали, и опять ѣхали такъ, что сторожи въ степи хотъ тысяча Татаръ и тутъ-бы ничего не провѣдали, хотъ сей часъ пріѣзжай къ той могилѣ, гдѣ мы оставили сторожеваго, — а Татары, на бѣду свою, сторожили только пяти-тысячный отрядъ, а тотъ и самъ хотѣлъ, чтобы его сторожили.

— Что-жъ потомъ?

— А вотъ что: отѣхавши отъ могилы, все войско раздѣлилось на столько малыхъ партій, сколько было мѣстъ, гдѣ задумали караулить Татаръ, условившись напередъ, въ какихъ мѣстахъ соединиться по окончаніи дѣла. Наша партія поѣхала прямо, другія отправились куда кому было назначено старшинами. Мы отѣхали отъ могилы этакъ верстъ съ семь либо восемь, — встрѣтили камышь, тутъ, прямо противъ могилы, оставили другаго сторожеваго, вотъ-таки меня, а сами снова далѣе.

— Пстой, постой, казаче, прервалъ Тарасъ. — Я хотъ не много и смѣкаю, какъ оно и отчего оно, а всё-таки спрошу: зачѣмъ же вы закопали человѣка въ могилу, коли поставили тебя только въ семи верстахъ отъ нея? Развѣ ты не могъ бы сторожить гдѣ-нибудь на могилѣ близъ камышей, когда Татары станутъ останавливаться въ долині. Вѣдь въ степи почитай съ каждой могилы видно верстъ на двадцать кругомъ.

— Э, дядьку! вотъ оно и значитъ, что ты не знаешь всѣхъ хитростей татарскихъ! Видишь что! вражьи узкоглазцы направливаютъ всегда останавливаться ночью на большой роздыхъ. Такъ что-жъ ты высторожишь въ темнотѣ, будучи — примѣромъ, за семь верстъ отъ долины? Это одно, а другое и то: пусть они и днемъ остановятся, да вѣдь лукавый народъ, прежде чѣмъ станетъ, а его передовые разсыпятся верстъ на двадцать кругомъ для развѣдыванія: нѣтъ ли гдѣ по-близости нашего войска; вотъ тутъ, коли ты сторожевой, — тебѣ не до разглядыванія, тутъ самъ нарови, чтобъ тебя не подмѣтили, и коли гдѣ притаился, — сиди, не высовывая головы выше травы, либо камыша, коли Богъ привелъ сидѣть въ немъ. А

тѣмъ-часомъ татары либо проѣдутъ далѣе, либо хоть и раскинутся въ долинѣ, да ужъ ты ихъ не увидишь, — а подойти туда и не думай! Верстъ на пять отъ мѣста, гдѣ остановятся Татары, кругомъ у нихъ вездѣ залягутъ сторожевые, такъ-что, почитай, и муха не пролетитъ безъ ихъ вѣдома.

— Гмъ! вотъ что, — а дальше какъ было?

— Также точнехонько, дядьку, наши установили сторожевыхъ еще въ двадцати самыхъ главныхъ мѣстахъ. Вездѣ, близъ самага мѣста, гдѣ могли остановиться Татары, закапывали въ могилѣ сторожеваго запорожца, а противъ той могилы, верстахъ въ семи либо и больше, какъ тамъ оно приходилось, ставили другаго. Каждому изъ насъ крѣпко-на-крѣпко показали, что когда дѣлать.

Окончивъ свое дѣло, каждая партія спѣшила къ мѣсту, у котораго слѣдъ былъ всеѣмъ соединиться, пристально замѣчая по дорогѣ лощины, могилы и все, по чему можно-бы было узнать прямую дорогу къ нашему брату-сторожевому. Вотъ когда все партіи сошлись, старшины подумали, посоветовались, — и раздѣлили войско на два отряда: одинъ остался на мѣстѣ, другою пошелъ въ сторону и сталъ на отдыхъ верстахъ въ тридцати отъ перваго отряда. Оба они расположились такъ, что самая дальняя могила, гдѣ сидѣлъ закопанный запорожецъ, была не далѣ семидесяти верстъ отъ того либо другаго отряда.

Дальше распорядились вотъ какъ: тамъ, гдѣ такіе сторожевые какъ я, были отъ отрядовъ не дальше тридцати верстъ, къ тѣмъ мѣстамъ, каждый вечеръ, посылалось по одному верховому, съ запаснымъ конемъ; верховые выѣзжали при заходѣ солнца и старались пріѣхать на свое мѣсто пока еще не совсѣмъ стемнѣло; дѣлалось это для того, чтобы верховые вѣрно знали, гдѣ имъ остановиться, а остановиться имъ нужно было прямо противъ того мѣста, гдѣ сидѣли мы. Верховой ждалъ насъ до разсвѣта; потомъ, во всю прыть скакалъ назадъ къ отряду; это для того, чтобы успѣть до восхода солнца отѣхать по-дальше отъ мѣста, гдѣ караулили ночью, не то, прикочуй вражьи узкоглазцы на свое мѣсто и разошли, какъ у нихъ водится, сторожевыхъ, такъ эти чортовы сыны, пожалуй, и незапримѣтны бы верховаго, дали-бы знать своимъ и тогда Богъ-знаетъ что-бы еще приключилось. Все такое дѣлалось и тамъ, гдѣ пѣшіе

запорожцы сторожили дальше тридцати верстъ отъ отрядовъ; только тутъ высылался уже не одинъ, а два верховыхъ, тожѣ съ заводными конями; одинъ былъ безсмынно верстахъ въ двадцати, либо въ двадцати пяти отъ нашего брата; днемъ онъ скрывался гдѣ-нибудь въ ющинѣ, а къ вечеру приближался на десять верстъ къ пѣшему сторожевому;— другой верховой прѣзжалъ по-раньше на то самое мѣсто, откуда выѣхалъ его товарищъ, ждалъ его до другаго дня, и дождавшись возвращался къ отряду.

Долго глядѣлъ я, какъ скрывалось съ глазъ наше войско,— вотъ оно все дальше, дальше, — вотъ и ничего не видно! Остался я одинъ, какъ перстъ!— Даже и коня увелъ товарищъ.... Хоть нашему брату-запорожцу и не привыкать-стать оставаться въ степяхъ на сторожѣ, а всё-таки, — не потаю грѣха, дядьку, — смутно стало на сердце, среди безмѣрной пустой степи, одному, безъ вѣрнаго коня-товарища! Будто у тебя и руки отняло и подкосило ноги. И что казакъ безъ коня? тьфу! дрянъ! Казакъ только тогда казакъ, когда гарниуетъ по степи на лшхомъ скакунѣ, либо гуляетъ по морю въ своемъ быстромъ челнѣ.— Вотъ тутъ онъ настоящій казакъ! Любо ему *погулять* за врагомъ въ широкой степи; распотѣшится казацкая душа, какъ набѣжишь на врага среди чистаго поля. Любитъ казакъ помѣряться съ врагомъ силою, да *поздоровкаться* доброю саблею,—то прямо запорожское дѣло.... А тутъ, кинули тебя среди степи, да крѣпко-на-крѣпко наказали пальцемъ не трогать Татарина, развѣ онъ прямо уже на тебя. Нѣтъ, дядьку, такая служба не по натурѣ, не по душѣ доброму запорожцу.

Солнце было высоко, когда я остался одинъ безъ товарищей. «Что-жъ, думаю, служба моя ночная, и еще далеко впереди, — надобно порядкомъ приготовиться». Славно всхрапунуль я; солнце чуть-чуть виднѣлось далеко въ концѣ степи, когда проснулся. — Вотъ и ночь, зпатная ночь! Звѣзды такъ и блещутъ. А тишь! вѣтерокъ не пахнѣтъ, трава не шелохнется. Когда да когда прокричитъ перепелъ, либо соколы въ небѣ, и снова степь тиха какъ могла.

Прошла ночь, прошелъ день, прошли еще два дня и двѣ ночи, — все тихо въ степи; по ночамъ я глазъ не спускаю съ той стороны, гдѣ сидѣлъ зарытый характерникъ,— ничего не вид-

по. Съ ранней зарп до восхода солнца, я все глядѣлъ въ ту сторону, куда скрылись наши. Я зналъ, что вереть за десять отъ меня, всякую ночь поджидалъ Запорожець, на случай, когда я прибѣгу извѣстить его о приходѣ Татаръ на роздыхъ, — глядѣлъ во все глаза, да ничего не видѣлъ. Правда, я и зналъ, что изъ такой дали мнѣ не увидать его, а всё-таки глядѣлъ.

На третій день всхожу на могилу, что была по-ближе ко мнѣ, осмотрѣлся кругомъ — пусто! Я прилежъ на могилѣ, закурилъ люльку, — курю и думаю себѣ, — то-бишь, нѣтъ! твердо помню, что ничего не думалъ, — и думать было лѣнь!... Глядь, зачерпѣло вдаль, взглянулъ на-право—еще,—на-лѣво—еще!— Эге, думаю, не даромъ! Я ползкомъ, ползкомъ съ могилы, да бѣгомъ къ камышамъ; иду камышемъ, да знай подымаю за собою пзмятый тростникъ; не оставишь бы слѣда посебѣ; забрался въ средину и ни гугу! — слышу — шумитъ трава по степи, вотъ шумъ все ближе, ближе..... «Такъ и есть, думаю, Татары. Они и были! Камышу было не много и тотъ не высокъ. Слышу, скачутъ и оттуда, и оттуда, вотъ около тебя шнырнулъ одинъ, другой, вотъ-вотъ того и гляди наѣдутъ на тебя; сабля у меня была на-готовѣ; не даромъ бы встрѣтился я съ врагомъ; рука такъ и дрожала схватиться съ нимъ, да ба! не велѣно, и ты лежи себѣ, да скрипи съ досады зубами. Глядь, вправо проѣхалъ одинъ, влѣво другой, — и вѣрно ихъ взадъ и впередъ проѣхало человекъ съ пять, а можетъ и больше. Этакъ, часа черезъ три все затихло; — разъѣздные Татары воротились назадъ. Было уже къ вечеру, я тихо вылѣзъ изъ камышей: вспомзъ на могилу, — гляжу, тамъ-сямъ въ степи что-то еще чернѣло.

«Ну, думаю себѣ, теперь Гараську не дремай, гляди въ оба, можетъ-что и увидишь съ могилы.

Вотъ вечеръ, вотъ и ночь, — нѣтъ огонька надъ могилой! Вѣрно, думаю, они не здѣсь остановились!... Я все гляжу да гляжу; ночь темна, хоть глазъ выколи! Уже меня и сонъ клонитъ и очн сппаются, какъ ни силлся одолѣть дремоту, точно дьявольское навожденіе! Никогда я не былъ такой сонливый, а тутъ, вотъ на-же тебѣ! — Вѣрно было далеко за полночь.... а все ничего нѣтъ... Ничего и не было въ ту ночь

Запиканка остановился, выковырялъ золу изъ трубки, снова набилъ ее табакомъ, закурилъ и потомъ продолжалъ :

На другой день я лежу да гляжу съ могилы, — чортъ знаетъ! Все будто есть кто-нибудь въ степи: то тамъ мелькнетъ черное пятно, то въ другомъ мѣстѣ. — Настала глубокая ночь; — я глаза не сведу съ той стороны, гдѣ была могила характерника. Глядь, сверкнулъ огонь, протираю очи, думаю померещилось, гляжу — опять звѣздочка! — Прошло не много времени — показалась третья звѣздочка. Молодецъ-запорожецъ! Тутъ нечего было долго думать: дѣло видимое гдѣ Татары. Я схватилъ саблю и, что есть духу, кинулся къ тому мѣсту, гдѣ товарищу слѣдовало ждать меня. — Бѣгу часъ, — а туда-ли бѣгу, Богъ его знаетъ: на небѣ ни звѣздочки, темъ такая, что и Боже упаси. Пробѣгу этакъ съ версту, да и думаю: съ какой стороны вѣтеръ; а вѣтеръ-то тихій, да теплый — едва его разберешь. — На мое счастье, все-будто дуетъ съ-права, — значитъ, думаю, коли вѣтеръ не переѣхался, такъ я на своей дорогѣ, — а чего ему мѣняться? Вотъ близко и разсвѣтъ... Вѣтерокъ повѣялъ свѣжѣе; кажись, пробѣжалъ больше десяти верстъ, а товарища нѣтъ! — Ну что, думаю, коли я, либо онъ, да махнулъ не въ ту сторону! пропащее дѣло! — Бѣгу еще, да уже тише, ноги устали; разсвѣтаетъ, — нѣтъ товарища! Пропала казацкая голова! Совѣмъ разсвѣло, — гляжу впередъ — никого нѣтъ, — на-право — ничего не видно, гляжу на-лѣво — такъ и есть онъ! Я опрометью туда. Онъ тоже меня замѣтилъ и скакалъ ко мнѣ.

— Что, братчику? спросилъ онъ подъѣзжая.

— Есть!

— Ладно! вотъ тебѣ конь, поскачемъ.

— Нѣтъ, казаче, слезай и ты съ коня, скоро взойдетъ солнце, — Татары не за горами; на конѣ опасно, а пѣшихъ не увидятъ.

Онъ спѣшился. Долго шли мы, и тогда уже сѣли на коней, когда твердо знали, что Татарину не удастся увидѣть насъ, будь у него даже чортовы глаза, а не простые татарскіе. Мы поскакали сколько было духу и къ полудню были съ своими. Тотчасъ послали двухъ ѣздовыхъ къ другому отряду, — ты помнишь, дядьку, что онъ былъ верстахъ въ тридцати? Этакъ какъ черезъ часъ, либо черезъ два, мы выступили, а къ вечеру сошлись съ товарищами. Настала ночь; мы ѣдемъ все тише да

осторожиѣе. Верстъ этакъ за пятнадцать отъ вражескаго табора, остановились дать отдыхъ конямъ. Отсюда мы раздѣлились на три отряда; правый и лѣвый полнымъ шагомъ повернули каждый въ свою сторону, а мы поѣхали прямо, укоротивъ поводья, чтобъ дать время товарищамъ подъѣхать къ вражьему стану вровень съ нами, да въ одно время, съ трехъ сторонъ, и ударить на супостата.

Кони шли тихо, нога за ногу, ночь зги не видно; духота страшная, комары и оводы такъ и снуютъ. Ёдемъ — уздечка не брякнетъ, конь не заржетъ, — слышенъ только шелестъ травы, да жужжанье комаровъ; кажись, вѣтеръ-бы не подслушалъ какъ мы ѣхали, — да бѣсъ-ли уберется отъ Татарина! Чѣмъ ближе подходили мы къ табору, то больше укорочали шагъ, чтобы не слышенъ былъ гулъ отъ сухой земли, да чортова уха у Татарина!

Чу! — шумъ, будто скачетъ кто. Прислушиваемся — скачутъ тамъ, сямъ, еще и еще. — «Очнулись сторожевые!» пронеслось межъ запорожцами. Не время было медлить. Мы понеслись во весь духъ, чтобы застать Татаръ въ распахъ, — нѣтъ, не успѣли! крикъ сторожевыхъ и гулъ отъ нашей скачки во время разбудилъ враговъ. Уже мы верстахъ въ трехъ отъ вражескаго стана. Господи, свѣта представленіе! Шумъ, гамъ, крики. Мы шибче и шибче, а ночь-то темна, словно могила.

«Урага Урага!» кричали мы, наѣзжая на бушевавшій таборъ. «Бѣй, колп, рѣжь, не жалѣй вражей крови!»

— Знатно, запорожцы! ей - Богу знатно, воскликнулъ Тарасъ, воспламенившись воинственнымъ крикомъ племянника. Бѣй, рѣжь бусурмановъ, — никому не давай пощады!....

— Славно *поздоровкались* мы съ врагами, — небу стало жарко! и они и наши такъ и валятся! Показался мѣсяцъ; завязалась такая рѣзня, что Боже упаси! Они-то думали, что запорожцевъ только и есть что мы, и бились не на животъ! Разыгралась казацкая душа въ такой сѣчи. Татары что лѣсъ кругомъ тебя, руби, колп, на-право и на-лѣво; что махнешь, то молодецкій взмахъ, — тамъ голова валится, тамъ рука долой. А крикъ, а визгъ, а шумъ! Тутъ стрѣльба, стукъ

сабелъ, да молодецкіе покрики нашихъ, да гирканье Татаръ, —тамъ вопли отчаянныхъ плѣнницъ и дѣтей, да ревъ пслуганной скотины. А бой все жарче и жарче; имъ досталось, досталось таки и нашимъ, —хоть-бы, примѣромъ, и мнѣ: и сюда, и сюда (указывая на грудь и обѣ руки), и вотъ рубецъ на лбу; деремся мы, словно у каждого въ запасѣ десятокъ другихъ головъ, oprичъ той, что носилъ на плечахъ. Ни одинъ казакъ не сгибъ даромъ; каждый уходилъ не двухъ, не трехъ Татаръ, прежде чѣмъ кувырнулся съ коня. А все намъ приходилось плохо! Всѣ-таки ихъ было, почитай, пятеро противъ каждого запорожца. Да наши не унывали, чортъ ли что ихъ больше? Пускай насъ въ-пятеро меньше, за-то каждый изъ насъ *щирый* запорожецъ сказано—*льшарь*! Не подгони татарской чета!

Да велика и сила вражеская! И какъ ни крѣпко держались мы, имъ таки удалось врѣзаться къ намъ въ самую средину; тутъ они быстро окружили разорванные отряды и крошили насъ, словно капусту. Меня съ какою-нибудь сотнею товарщицей, совсѣмъ оттѣснили отъ главной нашей силы. Мы уже бились далеко въ сторонѣ.... Ихъ въ десять разъ было больше. Смерть такъ и ходитъ кругомъ тебя, а ты ей и въ усъ не дуешь! Гибель была близкая и видимая....

Вдругъ застонала, загудѣла земля на-право и на-лѣво,—то неслась наша сила.... Какъ слышатъ Татары! какъ заорутъ по-ихнему: «Аллахъ, Аллахъ!» Глядь—кто куда гораздъ! Каждый кинулся куда глаза глядѣли, да несъ конь. Кажись, не успѣлъ я два раза мигнуть глазомъ, а ужъ Татары разсѣялись, словно мухи какія.—Мы въ догонку.

Вотъ такъ-то оно все, дядьку, Татары всегда таковы!—Рѣжутся, бьются какъ звѣри, коли знаютъ, что ихъ пять либо десять противъ каждаго казака;—а только случились одинъ на одинъ, и *закивали пятами*, и улепetyиваютъ что есть силы. Такъ было у нихъ съ поконъ вѣка, да ужъ вѣрно будетъ и всегда такъ.

Гонимся мы. Татары летятъ какъ вихоръ, стрѣляютъ изъ лука на всемъ скаку и каждая стрѣла ссадитъ кого-нибудь съ сѣдла.... Вотъ они примѣтили, что насъ впереди не было и сотни,—мигомъ,—будто чортъ ихъ сдернулъ веревочкой,—сомкнулись они человѣкъ съ триста, и разомъ кинулись на

насъ, — да не на таковскихъ напали, мы приняли ихъ по-свойски; враги не устояли и разлетѣлись снова....

Много переколотили мы, много легло и нашихъ.... Мы все гонимся, они все отъ насъ.... дальше, даьше.... Не въ моготу было нашимъ конямъ гоняться за ихними; наши, бѣдные, уже чуть не сутки въ работѣ, а ихніе болѣе сутокъ отдыхали. Какъ увидѣли, что только за-напрасно томили коней, мы скленились, да тотчасъ и вернулись къ татарской стоянкѣ.... Нашихъ, почитай, больше половины было уже тамъ: одни воротились, какъ и мы, съ догонки, — другіе оставались тутъ съ самой битвы охранять полоненныхъ.... Вотъ какъ было наше молодецкое дѣло.... Долго будутъ памятовать его и наши и Татары.... А что-то добычи, золота, камня, людей и всякаго скота! Таки поживились мы! будетъ съ насъ!.... Когда вернулись всѣ наши изъ догонки—пошелъ дѣлежъ.... гульба.... знатное было времечко!

— А запорожецъ, что былъ закопанъ въ могилу? Ты и забылъ объ немъ!

— Никто не забылъ ни объ немъ, ни объ его товарищахъ, сказалъ со вздохомъ Запиканка.—Только бой затихъ, наши бросились къ могилѣ,—глядятъ,—мѣсто, гдѣ закопанъ характерникъ, обрушилось. — Скорѣ откидывать землю, да поздно: бѣднаго челоуѣка вытащили чуть живаго и на другой день онъ отдалъ Богу душу.... А всё-таки какъ былъ характерникъ, такъ характерникъ и остался до послѣдней минуты. Чуть дыханье переводилъ, а только и словъ: «совсѣмъ-ли побить врагъ, да какъ было дѣло?» Къ вечеру стало ему лучше, и только капельку отлегло, а ужъ ему болѣзнь-то и не подъ нужду; вотъ тутъ онъ и начинилъ намъ рассказывать какъ тамъ все было, до нашего прихода. На другой день сдѣлалось ему хуже, и, до захода солнца, мы его закопали снова, даже на вѣки, въ ту самую могилу, куда было живаго посадили на время.

Послушайте же, что рассказывалъ характерникъ и что мы узнали послѣ отъ плѣнныхъ.

Оставшись одинъ, характерникъ осмотрѣлся. Знатная яма, есть гдѣ лечь, да есть гдѣ и копьемъ повернуть. Мы не забыли на днѣ вырыть особую ямку, чтобъ было мѣсто и копью, а въ немъ-то вся и сила! Характерникъ выскѣкъ огня, закурилъ

люльку, прилежъ на одинъ бокъ, да и захрапѣлъ. Просынается—ночь; онъ повернулся на другой бокъ, захрапѣлъ опять, очнулся, продралъ глаза, — ночь! «Ого! думаетъ, какая-же длинная! повернулся, опять спать и опять проспалъ до самого утра. Онъ-то разсчитывалъ, что спалъ всего сутки,—а на-повѣрку вышло двое сутокъ! Вотъ какъ спать характерники! Зато ужъ коли и не спать—пamъ подай! Двѣ - три ночи и глазомъ не мигнешъ и ничего себѣ! Только въ ту ночь, что вотъ я рассказывалъ,—чортъ меня попуталъ,—а то не спишь на пролетѣ цѣлыя ночи, и словно сонъ тебѣ и не подѣ-нужду. Да почему-жъ было и не поспать доброму человѣку? Служба его — не то что моя; я, то и дѣлю, гляди въ оба, особливо ночью, а къ нему коли Татары подѣдутъ самп, тутъ его и служба; такъ отчего-жъ ему и не поспать?

Разъ лежитъ онъ, выпавшись на порядкахъ, да курить люльку, да и думаетъ: «какъ-то чудно все дѣется на свѣтѣ Божіемъ, и то, и то, и другое!»—а подѣ землею: ггу! ггу! Онъ слушать; приложилъ ухо къ самой землѣ,—кажись, будто скачуть,—потомъ слышнть, что скачуть и въ-самомъ-дѣлѣ. Приекакали, проскакали, опять все затнхлю. Вѣрно были тѣ передовые, что меня загнали потомъ въ камышъ. Характерникъ опять думать, да съ тѣмъ и уснулъ;—вдругъ ночью какъ загудитъ, словно земля заходила,—то мчалась со всѣхъ сторонъ вражеская сила; пришли, раскинулись въ долину и заняли всю ее, даже до могилы, гдѣ спдѣлъ характерникъ. Начался крикъ, шумъ, бѣготня; дѣти плачуть, скотъ реветъ. Къ разсвѣту все уюмонилось, заснуло.

Проснулись Татары.... Снова шумъ и крикъ. Начался дѣлежъ добычи; сначала принялись за людей,—плѣнные всѣ были Поляки да Полячки; одному Татарину достался мужъ, другому жена, третьему сынъ ихъ, либо дочь. Вотъ тутъ-то были страсти! Начался плачь, вой,—плѣнницы ломаютъ руки, просятъ да молятъ: одна не разлучнть съ мужемъ, другая съ дочерью, третья съ сыномъ. Мало-ль о чемъ просили они! и всѣ жонки;—мущины, связанные ремнями, почти всѣ ни-гу гу, — сказано *чоловикъ* (мущина), такъ *чоловикъ* и есть, хоть онъ и *Ахъ*, а всѣ-таки *чоловикъ*! Да и то еще: всѣ знали, что будутъ молить по-напрасно, ну такъ и словъ не хотѣли терять за-даромъ. А

ужъ *жиночье* (женское) дѣло—другое; имъ хоть ты колъ теши на головѣ, а они все свое несутъ. Такъ было и тутъ,— жонки и дѣвки просятъ да молятъ, а Татары хохочутъ да колотятъ ихъ, чтобъ кричать перестали.

Поднялась гульба, и тутъ зачалось такое, что въ святой день, да при тебѣ, сестра, и говорить не приходится. Наступилъ вечеръ, Татары разгулялись еще пуще. Молодые Польки стонутъ, плачутъ, рвутъ на себѣ волосы. Связанные Ляхи мечутся, кричатъ, проклинаютъ бусурмановъ, рвутся высвободиться изъ ремней, — а Татарамъ въ томъ и потѣха, то имъ и по сердцу. Они еще пуще веселятся, хохочутъ, да ругаются надъ мужьями и отцами. Татарину любо отчаяніе плѣнницъ, а еще пуще любо безспіе связаннаго и поруганнаго врага, и онъ тутъ-же еще, для потѣхи своей, хлещетъ бѣднаго нагайкою.

Не терпимъ мы Ляховъ, — Ляхъ для запорожца хуже жиды и Татарина, — а характерникъ говорилъ, что даже ему стало жалко, слышавши всё-такое. Вѣрно, хорошо было Ляхамъ, коли разжалобили самаго характерника!

Долго бушевали Татары, напоследокъ уgomонились, — вотъ все тише, тише, только не умолкалъ плачь и стонъ Полеекъ.

Близко къ полночи. Уgomонились Татары. Вотъ характерникъ слышитъ— копышата надъ нимъ на могилѣ; вотъ кто-то легъ надъ самою его головою. «Ну что, думаетъ характерникъ, коли супостатъ закрылъ собою отдушны? Прощай казачье дѣло!» Слава Богу! помпловалъ! Въ ямѣ не дѣлалось душно, значитъ отгеретія открыты. Давно глубокая ночь, давно храпятъ Татары.

Характерникъ все ждетъ, можетъ съ часъ, можетъ съ два.

— Время къ дѣлу! — подумалъ онъ, перекрестился, вытащилъ гаманъ (кису), вынулъ кремь и труть, *креснулъ* ('): разъ, два! — труть зашипѣлъ. Характерникъ ту-жъ минуту зажегъ имъ большой кусокъ губки, крѣпко пропитанной особымъ составомъ, да тотчасъ на желѣзный конецъ пика, да въ продушину. Заблестала пика надъ могилою, — то былъ условный для меня знакъ. Горитъ губка, только искры сыплются, а Татары

(') Ударилъ въ кремь.

ни гу-гу. Слава Богу! разъ сошло съ рукъ; характерникъ насадилъ и зажегъ другую губку, — вдругъ крикъ! Татары бѣгутъ къ могилѣ, — губка уже догорѣла, запорожецъ пику назадъ и слѣдъ простылъ. Татары бросились на могилу: — вездѣ спятъ ихъ товарищи; бросились къ мѣсту, гдѣ видѣли огонь, — тамъ тоже спитъ Татаринъ, — перебудили, переполошили всѣхъ, — искать, — ни слѣда, ни послѣда; — спрашивать (характерникъ зналъ по-ихнему) — *ни сномъ ни духомъ* никто ничего не знаетъ и не видѣлъ. Осмотрѣли, обшарили все, — да какъ закричатъ не своимъ гласомъ: «шайтанъ, шайтанъ (чортъ)», — и шарахъ всѣ съ могилы!

«Э! подумалъ характерникъ, такъ-вотъ оно что! Задамъ же я вамъ шайтана!» Да съ этимъ словомъ и насадилъ на пику еще большій кусокъ губки. Татары какъ увидѣли такое не бывалое диво, еще пуще принялись кричать: «шайтанъ, шайтанъ!»

Плѣнные рассказывали намъ объ этомъ чудѣ, да и говорятъ, что не только въ ту ночь, даже днемъ никто не рѣшался подойти къ проклятой могилѣ, — всѣ думали, что то была чортова могила и что чортъ разозлился, зачѣмъ легли на ней, да и давай летать огнемъ! А мы слушали, да только переглядывались про-между собою, да смѣялись по-тихоньку.

Слѣдующимъ днемъ продолжались гульба, дѣлежъ и все, что было у нихъ въ первый день... Только ночью они по-раньше уgomонились...

Какъ мы ихъ разбудили, — ты знаешь, дядьку!

— Молодцы вы, ей-Богу, молодцы! Таковы были когда-то и наши казаки.... Теперь не то....

Тарасъ задумался, склонясь на руку.

— Чтò-жъ вы сдѣлали съ плѣнными? спросила робко сестра Заппкапки.

— Чтò сдѣлали? извѣстно чтò! Плѣнные всѣ были Ляхи да Ляшенки, — ну, по зампренію съ Татарами, мы и перепродали имъ въ неволю всѣхъ плѣнныхъ; пусть себѣ веселятся въ Крыму на просторѣ!...

Александръ Кузьмичъ.

САМООТВЕРЖЕННЫЕ.

=

— Давно-ли вы въ Петербургѣ?

— Я здѣсь родился.

— А вы?

— Нѣсколько лѣтъ.

— А вы?

— Только-что пріѣхалъ.

— Знаете-ли вы Петра Онуфріевича или Мароу Дмитріевну?

— Знаю, знаю обоихъ. — И я тоже! — И я....

Пресмѣшное дѣло! — Кого-бы я ни спросилъ, всѣ отвѣчаютъ одинаково. Всѣ знаютъ Петра Онуфріевича, Мароу Дмитріевну, всѣ, или по-крайней-мѣрѣ чрезвычайно многое изъ важныхъ и неважныхъ, изъ старыхъ и новыхъ, здѣшнихъ и пріѣзжихъ, мужчинъ и женщинъ, баръ, купцовъ, слугъ и даже изъ народа! Послѣ этого, можно-ли не досадовать, когда вы, по привычкѣ очень уже изношенной, укоряя во всемъ вѣкъ, говорите съ трагическою восторженностью: — «кончено! къ чему труды, подвиги, высокая добродѣтель? Нѣтъ нынѣ признательности къ современникамъ, нѣтъ почета отъ насъ людямъ полезнымъ, отличнымъ; нѣтъ народности ни для кого.» — Полноте, перестаньте! — *Во-первыхъ*, къ чему говорите вы объ народности? да вы умрете отъ нее: она пахнетъ русскимъ духомъ, она брякнетъ правду съ простотухи; она, въ нѣсколько миллионовъ голосовъ, гаркнетъ прямо: «Сенька глупъ,» — «Ванька хитеръ,» — или «Сашка добръ и разуменъ,» да тутъ-же облаптъ его, и чмокъ безчисленными устами, которыя оцѣтенились и отъ которыхъ несетъ косушкой и лукомъ.... Вотъ вы уже и померли на мѣстѣ. Вы держитесь гомеопатической мето-

ды, куда-же вамъ такая народность; право, хорошо дѣлаете, что не умѣете до нее добиться; сидите себѣ въ вашемъ золотомъ *sachet* изъ *peau d'Espagne*, обсыпанные мягкимъ порошкомъ пачули. — *Во-вторыхъ*, если вы народность понимаете не столь широко, то позвольте опять поспорить съ вами и представить живые примѣры. Развѣ Петръ Онуфріевичъ и Марѳа Дмитріевна не отличены, не народны? А?!

— О! го!!—произносите вы, покачивая головою и стянувъ конецъ рта.

Да, да. Разсудите, основательны-ли вы въ вашихъ упрекахъ? Я на всемъ остановлю васъ, не увернетесь. Развѣ Петръ Онуфріевичъ и Марѳа Дмитріевна кричатъ о себѣ, печатаютъ въ газетахъ о своихъ поступкахъ? Развѣ они всѣхъ злословятъ, пересмѣиваютъ; развѣ финтятъ, вздергиваютъ носы? Развѣ они даютъ балы, управляютъ чѣмъ, владѣютъ четырьмя тысячами душъ? Развѣ безденежно удѣляютъ акціи на выгодное предпріятіе; распоряжаются откупомъ губерніи; имѣютъ уважительную родню; играютъ по-большой?? — Ничего. — Э! повѣрьте мнѣ, народъ, всякій, въ массѣ, справедливъ, уменъ и сметливъ; даже и второстепенною извѣстностью, народностью, онъ награждаетъ лишь тѣхъ, которые именно заслужили ее, а не тѣхъ, которые пофуфырся и раздувшись на мигу, лопнули какъ лягушка, не дотянувшаяся до быка.

Только завистники и недовольные не соглашаются съ этою правдою; только они и нынѣ, какъ всегда, усиливается увѣрять насъ, что *извѣстность* Петра Онуфріевича, Марѳы Дмитріевны есть ни что иное какъ *наглядность*, *старожилость*, *привычка* народа. Что точно также извѣстны въ городахъ всѣ старики, всѣ чудачи, нѣкоторые замѣчательныя вывѣски, какъ напр: — «*Мелочная лавка № 1*,» — «*Мозольный мастеръ*,» — «*Стеклянный художникъ*,» — «*Manufacture Tortue*,» — «*Yente de Tapisses*,» — «*Фортоманистъ и роялистъ*,» — и многія подобныя. Что также извѣстны нѣкоторые самые роскошные и самые несчастные экипажи; нѣкоторые самые грязные дома, самые отчаянные франты, самыя уличныя рожи, — единственно потому, что съ давняго времени они попадаютъ на глаза, невольно затвержены памятью, и повторяются ею, встрѣчаясь

на дорогѣ къ церкви, къ присутственнымъ мѣстамъ, къ магазинамъ. Не правда, не правда!

Но вы хотите рѣшительно восторжествовать, вы утверждаете, что извѣстность извѣстности рознь; что Г-жа Окрошкина, которой красота была всегда крайне-сомнительна, именно теперь, когда она очень подѣдена молью вечеровъ, начала слыть роскошною красавицею, женщиною обворожительною, и что хотя прежде выражались о ней «*une figure de rien,*» — «*un minois de femme de chambre,*» нынѣ, говорятъ, она сама уже отослала гравировать свой портретъ, для чуднаго кипсека сѣверныхъ типовъ кровной красоты.

— Такъ что-же?—будто я долженъ вамъ вѣрить на слово? Вотъ привезутъ портретъ, тогда посмотримъ, можетъ-статься, она точно красавица....

— На портретѣ будетъ красавицею, непременно! Мода, сударь! пустая, неразумная мода! Окрошкина не глупа, бойка, вольна, презрительна ко всѣмъ и ко всему; на рѣчи дерзка; въ манерахъ отлична; танцуетъ такъ, что у нѣкоторыхъ здоровыхъ мужчинъ дѣлается лихорадка, а больные глядя доумираютъ; одѣвается такъ, что женщины однѣ изкривились, другія сплечились, третьи отъ усилій совсѣмъ вытянулись изъ платья, и всё не то. Ходитъ—даже лучше парижскихъ гризетокъ; изъ кареты выскакиваетъ на тротуаръ какъ и Таліони не соскочить съ дунайскаго порога на береговой цвѣтокъ. Въ коляскѣ не сидитъ, но лежитъ, то было бы слишкомъ по-мѣщански, а это дивно: по позитурѣ ожидаешь, что, не доѣхавъ до улицы, въ коляскѣ очутится еще другая маленькая копія Окрошкиной. На гуляньѣ ея экипажъ постоянно окруженъ львами съ гривами и безъ оныхъ, коршунами, верховыми и пѣшими *фрака́*, изъ коихъ шастливѣйшіе, какъ амурѣ въ поѣздѣ Венеры:

«Цѣпочкой свившися, за нею полетѣли,

«Вѣнки плели и пѣсни пѣли....

«Богинѣ въ честь!

Но тамъ—«*иные сѣли къ ней за спинку,*—иные въ ямки на щекахъ,—иные прячутся въ косынку,» — а здѣсь, по невозможности совершенно возвратиться къ язычеству, иные прицѣпились къ рессорамъ, иные къ козламъ, запяткамъ, иные

тотчасъ упадутъ въ экипажъ.... За-то, посмотрите, какъ она мило ломается, какъ *жантильно* помпращаетъ со смѣху, какъ острить и граціозно эмабильничаетъ? Всѣ это въ великую потѣху гуляющихъ, *bons enfans* среднихъ разрядовъ, которые, не зная свѣта и не видавъ прежде ничего подобнаго, именно для этой даровой высшаго качества комедіи, ходятъ съ семействами потѣшаться, и послѣ, осенью, говорятъ предобродушно: «на будущее лѣто опять наймемъ тамъ дачку, нынче на островахъ превесело! Только смотрите же вы! — прибавляютъ они, обращаясь къ дочерямъ, — не обезьяньте, вамъ это не пристойно; каждый сверчокъ знай свой шестокъ.» Въ ложѣ Окрошкина опять *особенничаетъ* совершенно по своему; выходитъ, встаетъ, пересаживается; стулъ ея выше всѣхъ возможныхъ стульевъ; она говоритъ такъ, чтобъ мѣшать всѣмъ слушать пьесу, что ей за дѣло до другихъ; перегибается на всѣ лады, переворачивается всѣми сторонами, пока наконецъ всѣ безъ изъятія не убѣдятся въ гибкости ея стана и не раздѣлять тайны безкорсетности ея туалета! Что-же? въ Парижѣ, гдѣ низшая публика заставляетъ высшую поддѣлываться подъ себя, въ мѣщанскомъ Парижѣ, подъ который мы, аристократы, подлаживаемся такъ рабски, Окрошкину освистали-бы и ошибали; ей закричали бы безъ обиняковъ: «*Taisez-vous!*» — «*à la porte!!*» — Здѣсь дѣло иное! Что городъ то норовъ! что деревня то обычай! Здѣсь, она неподражаема, и многія, многія отчаянно сплятся ей подражать! — И вотъ, сударь, всѣ ея права на модность, которая изливается и на сближающихся съ нею. Понятно, что согласясь стать на эту степень, удержаться на ней не трудно, но будто это достоинство?...

— А я спрошу васъ въ свою очередь: будто это народность?

— Ну, да; конечно, почти народность, — это и досадно....

— А какъ-же вы говорили, что народности нѣтъ?

— Что-жъ въ такой какъ эта? —

Главное — имѣть ту, которой ищешь. Видите, вы договорились до того, что опровергли себя сами. По мнѣ, если Окрошкина точно не вымышленное вами существо, она замѣчательна! Подумавъ по-глубже, по-строже, знаете, я почти готовъ внести ее въ семейство *самоотверженныхъ*.... Но мы заболтались,

позвольте возвратиться къ любимымъ мною Петру Онуфріевичу и Марѣ Дмитріевнѣ. Вы знаете, что ихъ нельзя ввести въ категорію Окрошковыхъ; правда, и ихъ видятъ въ домахъ одной очень извѣстной чужихи, и одного тоже извѣстнаго магната; въ домахъ, куда стекается множество людей не простыхъ, но съ хохолками и также съ пушкомъ на рыльцѣ; въ домахъ, къ которымъ они какъ-будто принадлежатъ....

— О! позвольте! принадлежатъ? — прерываетъ меня неугомонный спорщикъ, — позвольте, будьте осторожны въ выборѣ выраженій. Они вовсе не *принадлежатъ*, вы ошибаетесь, ихъ только употребляютъ, ими пользуются въ этихъ домахъ, или.... какъ-бы выразиться точнѣе?... ихъ *расходуютъ*. Да, именно; повѣрьте мнѣ, ихъ тамъ издерживаютъ ежедневно на мелочи; вы знаете, что расходовать можно иногда и не свое. Ихъ ноги, руки, голова, нравъ, знаніе и незнаніе, разумъ и невѣжество, продолжительное терпѣніе и здоровье, страсти и безстрастіе, чувство и безчувствіе, умъ и глупость, простодушіе и хитрость, гордость и низость, достоинство и безстыдство, — словомъ, все ихъ человѣческое естество, расходуется, какъ я вамъ сказалъ, на всякія потребности этихъ домовъ, къ которымъ они вовсе не принадлежатъ!...

О! Боже мой! можно ли чѣмъ заградить уста злословія, а *паче* зависти?

Отклонимся отъ спора и лучше припомнимъ, какъ мы сами познакомились съ Петромъ Онуфріевичемъ.

Еще молодымъ человѣкомъ, при самомъ вступленіи въ свѣтъ, когда бывало ни явлюсь въ домъ стараго графа О. О., вѣчно вижу тамъ торопливую, суетливую фигурку средняго роста, того возраста, который на взглядъ ни старость, ни молодость, ни зрѣлые лѣта, а такъ что-то, похожее на все вмѣстѣ и ни на что порознь; съ коротко остриженными волосами, съ головою странно напоминающею мнѣ всегда бostonную щеточку, годную какъ-бы только для вытиранія намараннаго другимъ, но съ головою, по внимательномъ обзорѣ, довольно умною. Въ петлицѣ этого человѣка какая-то ленточка; въ рукахъ, по домашнему, никогда нѣтъ шляпы; на рукахъ нѣтъ перчатокъ, хотя-бы всѣ были *при* шляпахъ и въ перчаткахъ. Этотъ госпо-

днѣ, — я говорю господинъ, потому-что ни мнѣ, ни кому, никогда не случалось принимать его за слугу, а это важно; весьма еще недавно, на одномъ очень роскошномъ вечерѣ, князь W, — пресмѣшнымъ образомъ принялъ слугу за одного господина, съ которымъ онъ только-что кончилъ партію. Впрочемъ удивительны-ли подобныя ошибки въ вѣкъ, въ которомъ типы первобытныхъ фizioномій чистой крови, такъ странно выродились, что о лицѣ персоны уже не заботятся; съ другой стороны хотя и есть «отлички», по-пынѣ онѣ изысканы, *c'est presque du luxe*, не потому-что принимаютъ не по платю, а для удобства (вслѣдствіе новѣйшей, введенной въ моду метопиміи), по одной только части платя—по карману; *провожаютъ* же не по уму, какъ въ старь, а по *умѣнью*, т. е. по проявленію результатовъ ума въ той-же части платя—въ карманѣ. Отсюда прекуръзные ошибки, которыхъ никто не замѣчаетъ, чтобъ не имѣть надобности сознаться въ нихъ. — И такъ, этотъ господинъ, говорю я, обыкновенно задумчиво прохаживалъ по залѣ, сложивъ руки за спину; въ гостинной-же онъ наиболѣе любилъ тотъ уголокъ, который ближе къ выходу; садился онъ рѣдко, и почти всегда по приглашенію, котораго уже никому на свѣтѣ не дѣлаютъ. «Петръ Онуфріевичъ, что-же ты не сидишь?» — скажетъ хозяинъ. — «Все сидѣлъ,» — отвѣчаетъ онъ просто, прикинувъ туловищемъ, шаркнувъ ножкою, и вдругъ немножко опустивъ обѣ руки. — «Сидишь, братецъ, сюда, поближе.» — Онъ сядетъ тотчасъ какъ можно подалѣе, на самый кончикъ стула, расправляя изъ-подъ себя фалды на обѣ стороны.

Если человѣкъ сановный или на дорогѣ къ сановности (онъ, какъ ходячій адресъ-календарь, знаетъ всѣхъ), заводитъ съ нимъ рѣчь, онъ приветаетъ, титулуя его по-выше. Въ концѣ письма или записки, къ кому-бы она ни была адресована, онъ не можетъ не подписать: «вашего благородія, высокородія или превосходительства покорнѣйшій». Не пишите тутъ и тѣни лести, низости, потворства; о! Боже упаси! Петръ Онуфріевичъ именно учтивъ и остороженъ, это его натура. Замѣйте, во время отвѣта онъ передъ каждымъ пожимается и немножко ёрзаетъ по стулу, потирая руки и полу-улыбаясь.

Въ теченіе многихъ лѣтъ я привыкъ видѣть его у гр. Θ. Θ. какъ необходимую принадлежность, какъ коверъ или бронзовыя часы; вотъ почему я помню всѣ его ухватки и приемы, никогда не наблюдавъ ихъ. Въ ожиданіи возвращенія хозяина, мы нерѣдко толковали съ нимъ о томъ, о сѣмъ; всѣ городскіе слухи, новости всѣхъ круговъ, извѣстія всякой важности, имъ были въ точности изучены; но онъ передавалъ ихъ коротко, сжато, безъ комментарій и сужденій, однако съ жаромъ. Особенно онъ увлекался говоря только о добродѣтеляхъ графа, графини, о талантахъ и достоинствахъ ихъ дѣтей. Я все думалъ, что онъ изъ родственниковъ. Вотъ однажды графъ вошелъ именно въ ту минуту, когда мы стояли другъ противъ друга.—«А! здравствуйте!» — произнесъ онъ, протягивая мнѣ палецъ, нарочито запятанный чернилами, — «здравствуйте! Рекомендую вамъ Петра Онуфріевича; онъ.... ха! ха! ха? Скажите, какая разсѣянность!» — вдругъ воскликнулъ онъ, — «я совершенно забылъ, что вы съ нимъ уже давно знакомы.» — Тутъ графъ поднесъ свой палецъ съ пятномъ ко рту, и внимательно занялся этимъ событіемъ. Такимъ образомъ, я по-прежнему зналъ только то о Петрѣ Онуфріевичѣ, что онъ точно Петръ Онуфріевичъ. Впрочемъ, сколько помнится, или у него вовсе нѣтъ фамиліи, или ее никто не употребляетъ; въ столицахъ и провинціяхъ, на русскомъ, французскомъ и другихъ языкахъ, пишутъ и говорятъ всѣ просто: «Петръ Онуфріевичъ!» И еслибъ случилось, что едва-ли сбыточно, чтобы кто-нибудь спросилъ: — «а кто же онъ?» — то съ удивленіемъ скажутъ: — «какъ, Петръ Онуфріевичъ кто? тотъ, что у графа Θ. Θ.» — Всѣ и знаютъ его тотчасъ.

Передъ обѣдомъ графъ или графиня, незамѣтнымъ ни для кого образомъ мигнутъ; Петръ Онуфріевичъ пройдетъ по комнатѣ, выйдетъ въ другую, — глядь, минутой спустя подають водку, а тамъ идуть кушать. За столомъ онъ всегда успѣетъ занять то мѣсто, которое какъ межевой признакъ разграничиваетъ своихъ отъ званныхъ; узнайте: званный ли онъ, или свой? — Нѣсколько разъ я замѣчалъ, когда идетъ рѣчь о новыхъ книгахъ, о продажѣ имѣнія, о представленіи великолѣпнаго спектакля, о родѣнахъ, именинахъ, пріѣздахъ, болѣзни шпига, попугая или другомъ важномъ дѣлѣ въ извѣстномъ кругу, — если

графъ или графиня скажутъ, сквозь зубы, такъ, ни къ кому: — «справиться-бы», — «посмотрѣть-бы на этотъ балетъ», — «купить-бы, узнать-бы,» — Петръ Онуфріевичъ немножко наклоняетъ голову, значительно приподнявъ брови, понаморщивъ лобъ, — и кто сидитъ близко, тотъ вѣрно увидитъ, что, вынувъ изъ кармана аккуратненьную книжку, онъ наскоро что-то записываетъ въ ней карандашемъ подъ самую скатертью.

Не рѣдко графъ затрудняется въ разсказахъ и странно перепутываетъ все, тѣмъ болѣе, если рѣчь идетъ о какомъ-нибудь сложномъ дѣлѣ; обремененная бездною разнородныхъ трудовъ, память его сбивается; онъ иногда не можетъ съ необходимою точностію опредѣлить времени какого-либо даже важнаго случая своей жизни. — «Кажется, эта косточка остановилась у меня въ горлѣ въ іюнѣ или въ іюлѣ, не помню.....?» — Но у Петра Онуфріевича память не слыханная; онъ тотчасъ подхватываетъ: — «іюля 27 дня, ваше сіятельство изволили получить аренду, къ общей радости; августа 11, молодой графъ надѣли въ первый разъ мундиръ, а на другой день, 12 числа, за обѣдомъ, пятаго 43 минуты, именно когда вы разсказывали про партію въ экарте съ княземъ, эта косточка, отъ ерша-съ, всѣхъ насъ такъ перепугала.» — Едва разскажетъ такъ Петръ Онуфріевичъ, какъ всегда, высокимъ сопрано, внятно, звонко, съ аттенціею въ интонаціяхъ, съ толкомъ и чувствомъ, полубрашшаяся къ графу, и въ попыхахъ сунувъ за щеку кусокъ не проглоченной котлеты, — графъ наклоняется къ сосѣду и тотчасъ говоритъ улыбаясь: — «У него самая завидная память! Ручаюсь, — прибавляетъ онъ прихлебывая свой *Bourgogne brûlé*, — онъ очень вѣрно можетъ написать мою біографію, когда меня не станетъ....» — При этомъ выраженіи великаго человека, наводящемъ на горестные помыслы, лица всѣхъ омрачаются туманомъ глубокаго чувства и въ то время, какъ нѣкоторые вздохи, не смотря на удерживающую ихъ силу приличія, вырываются, — Петръ Онуфріевичъ отираетъ ротъ, отхлебываетъ немножко воды, и тонкимъ взоромъ, изъ подлобья, обводитъ кругомъ; онъ какъ бы проникъ всѣ эти души, постигъ ихъ лести, и, понимая себя неизмѣримо выше всѣхъ, выражаетъ въ чертахъ своего разумнаго лица глубокую, нѣсколько саркастическую поэзію чувства; онъ видимо утѣшенъ и какъ-буд-

то немножко презираетъ другихъ, но съ свойственною ему скромностью.

Одѣвается Петръ Онуфріевичъ весьма чисто и прилично въ вице-мундиръ какого-нибудь вѣдомства. На немъ пригнанъ очень аккуратно жилетъ, кое-что немножко широко, а фракъ, сидя на плечахъ весьма хорошо, въ другихъ частяхъ выражаетъ нѣкоторую поэтическую небрежность. Знатокъ можетъ тотчасъ угадать, что этотъ туалетъ не отъ Петерса, Руча, Оливье или другихъ знаменитостей, выкроившихъ себѣ пяти-этажные мастадонты-дома въ С. Петербургѣ, а, вѣроятно, отъ «Воснаго и пратикулярнаго Рахманова изъ иностранцевъ,» — «отъ Терентьева мужескаго, изъ Стокгольма,» — можетъ-быть отъ «*Tallière d'homs*», что на Итальянской, или отъ «*Gelgrinъ, Vair clair*,» у Спняго моста. Какъ-бы то ни было, все-же оно сидитъ повозможности значительно; видно, что, съ привычною заботливостью, рассказано и указано, какъ-то выкроить и пригнать. Галстухъ нѣсколько высокъ и крѣпконько затянутъ сзади пряжкой; модныхъ шарфовъ съ разноцвѣтными разводами, — (какъ на робронахъ нашихъ прабабушекъ), широко окутывающихъ шею, будто колодка, съ бантами въ величину головы, съ булавками въ добрую русскую свайку, Петръ Онуфріевичъ не любитъ. За-то часы на длинной золотой цѣпочкѣ, съ бирюзовымъ *coulant*, пододвинутымъ подъ самое горло, очень ему къ лицу; а на манишкѣ его побѣдно красуются три брильянтова пуговицы, иногда же онѣ изъ разноцвѣтныхъ и довольно дорогихъ камней. Воротника и манжетокъ нѣтъ; неизвѣстно отчего Петръ Онуфріевичъ питаетъ къ нимъ отвращеніе, а къ перчаткамъ ощущаетъ даже родъ непреодолимой ненависти. Онъ любитъ держать въ лѣвой рукѣ мелко-травчатый фуляръ, который складываетъ всегда ппрожкомъ. Пальцами правой руки онъ привыкъ непрерывно вертѣть и перебирать брегетовскій ключикъ часовъ. Голову онъ выдвигаетъ не множко впередъ и чуть-чуть склоняетъ ее къ правому плечу при разговорѣ, что даетъ ему видъ особенной вѣжливости. Если кто обратится къ нему въ то время, когда онъ собирается нюхать табакъ изъ золотой съ хорошенькою мозаикой табакерки, тогда онъ, торопливо отирая ее, съ улыбкою, и устремляя изъ подлбья глаза, поднося еще не открытую табакерку, произно-

истъ протяжно: «свой! отечественный-съ!» — Кто бы ни чихнулъ въ комнатѣ, рѣчь на секунду перервется въ устахъ Петра Онуфріевича, незамѣтнымъ образомъ его подернетъ на стулѣ, нужна еще секунда, чтобъ онъ успокоился.

Званые обѣды и вечера въ домѣ графа очень рѣдки, за-то Петръ Онуфріевичъ бываетъ чрезвычайно озабоченъ ими; вообще онъ человѣкъ не безъ вкуса. Въ эти дни онъ много рыщетъ самъ и разсылаетъ людей графскихъ. Только на подобные случаи онъ надѣваетъ нѣсколько широкую, но отлично вымытую замшевую перчатку, на лѣвую руку, по которой изрѣдка поколачиваетъ другою перчаткою, просто скрученною въ жгутикъ въ лѣвой рукѣ—это привычка. Онъ танцуетъ хорошо, но никогда не танцуетъ, можетъ-быть, полагая, что лишитъ тѣмъ возможности танцовать кого-либо. Еслибъ онъ вовсе не умѣлъ танцовать, то вѣрно пустился-бы, тутъ было-бы самоотверженіе. Съ достоинствомъ переходя изъ комнаты въ комнату, во время вечера, онъ не выпускаетъ изъ виду хозяевъ и старается иногда встрѣтить ихъ взглядъ. При разѣздѣ онъ останется въ памяти каждаго уѣзжающаго, какъ послѣднее впечатлѣніе, потому-что привѣтливую его мину каждый видитъ въ ту блаженную минуту, когда, утомленный вечеромъ, спѣшитъ броситься въ карету.

Кто изъ всего этого извлечетъ, хотя на мигъ, идею, что въ Петрѣ Онуфріевичѣ нѣтъ достоинства, что онъ смѣшонъ, *тривіаленъ*, — странно ошибется; напротивъ того, въ немъ иногда слишкомъ много приличія.

Вы изрѣдка встрѣчаете его въ кредитныхъ учрежденіяхъ,— «А! — Петръ Онуфріевичъ! занимаете ли вкладываете?» — Онъ съ *нѣкоторою* миною, (я выражаюсь такъ, потому-что всегдашнюю его мину истинно никакъ нельзя опредѣлить иначе, какъ *нѣкоторая мина*), и такъ, съ *нѣкоторою* миною, пригибая къ-низу туловище, раздвинувъ руки, выворачивая бокомъ голову и взглядывая на васъ умно, онъ отвѣчаетъ съ положительностью: — «въ первомъ мы не имѣемъ надобности, для другаго — нѣтъ возможности; я зашелъ такъ, по просьбѣ! — И точно, онъ переполненъ чужими просьбами, кажется, онъ какъ будто живетъ по чьей-нибудь просьбѣ, потому-что живетъ истинно не для себя. — «Вы вѣрно завѣдываете дѣлами графа?» —

сорвется у васъ съ языка;—« Помилуйте! — восклицаетъ онъ тогда съ ужимкою и уже улыбаясь полу-презрительно, — на это есть люди.»

Графъ занимается многимъ, *почти всѣмъ*, потому-что исключительнаго занятія онъ не имѣетъ; а какъ каждый изъ живущихъ, вѣроятно, имѣетъ надобность просить о *чемъ-нибудь*, то уже, конечно, пойдетъ къ тому, который занимается почти всѣмъ. При этихъ пріемахъ Петръ Онуфріевичъ всегда на лицо; портфель его лежитъ гдѣ-нибудь на столѣ или на стулѣ, на виду, чтобъ не затеряться, а самъ онъ, то войдетъ, то выйдетъ, то присядетъ, то встанетъ, то почитаетъ газету. Знакомые адресуются къ нему прямо; къ другимъ онъ подходитъ; съ сочувствіемъ выслушаетъ въ обстоятельства, прослушиваетъ, пробѣгаетъ просьбы, и возвращая ихъ, говоритъ съ привычнымъ поднятіемъ бровей: — «Вамъ извѣстно, на графа никто не имѣетъ вліянія, кромѣ его спусходительности и неоцѣненной души; попросите, попросите!»

Резолюціи графа даютъ поводъ полагать, что онъ глубоко обдумывалъ способы сокращенія письмоводства, этой страшной, не уничтожимой гидры, къ которой прирастало тотчасъ сто головъ, каждый разъ, когда, въ попыткахъ сердолоболія къ человечеству, срубали съ нее только одну головку. У графа исполнение особенное, а резолюціи словесныя и никогда не требующія болѣе двухъ словъ. — «Хорошо! хорошо!» — говоритъ онъ просителю, загибая уголокъ листа и передавая его Петру Онуфріевичу. Проситель, разшаркиваясь тѣмъ съ болѣющимъ рвеніемъ, что эти слова и загнутый уголокъ наполняютъ его душу самыми сладостными надеждами, выходитъ съ восхищеніемъ въ сердцѣ, бросивъ мимо графской спины невыразимо-теплый взглядъ Петру Онуфріевичу, и съ самаго порога прославляетъ обоихъ встрѣчнымъ. Но онъ не знаетъ, что графъ, хотя истинно добрый, но какъ старый дипломатъ, всегда говоря правду, вовсе не виновенъ въ томъ, что въ дипломатіи двѣ правды, изъ коихъ только одна несправедлива, когда обѣ могли бы быть таковы. На этотъ день слово «хорошо» и загнутый уголокъ составляютъ условный знакъ отверженія. — Другія просьбы передаются безъ загибки, съ резолюціями состоящими единственно изъ именъ и отчествъ, русскихъ, на-

болѣе въ служебномъ мірѣ извѣстныхъ: — «Гейнриху Адамовичу, — Казимиру Феликсовичу, — Карлу Христіановичу,» — и др. — Исполненіе производится изустнымъ сообщеніемъ желаній графа, чрезъ Петра Онуфріевича, означеннымъ лицамъ, и ихъ нисходящимъ, или частными письмами, для редакціи которыхъ Петръ Онуфріевичъ неоцѣнимый и вполне замѣчательный человѣкъ; фраза его бойка, ловка; заключенія періода какъ кипжалъ врѣзывается въ честолюбіе человѣка, и какъ рука опытнаго акушера выводитъ на свѣтъ ожидаемаго младенца-исполненіе, хотя-бы средь грозныхъ мукъ матери, но всегда съ сладостнымъ для нее чувствомъ; сокрытому въ мракѣ неизвѣстности времени, предоставляется, можетъ быть, обмануть это чувство.

Послѣ аудіенцій настаетъ время, побѣдно выказывающее всю подвижность, быстроту натиска, искусство, дѣятельность и неутомимость доброты Петра Онуфріевича. Онъ ѣздитъ по городу изъ конца въ конецъ. Какихъ лицъ онъ не перевидаетъ, въ какихъ Департаментахъ и Канцеляріяхъ не пребываетъ до обѣда? — Не постижимо! — Онъ летаетъ какъ стрѣла и вѣчно попадаетъ въ цѣль; все у него успѣшно; онъ знаетъ время, мѣсто, обладаетъ въ высшей степени спаровкою и маперой. Его вездѣ и всегда рады видѣть; съ нимъ всѣ на близкой ногѣ, на *ты* и на *шерахъ*; не то чтобы это возвышало его, нисколько, просто съ нимъ очень коротки; это никогда не выводитъ его однакоже изъ черты тонкаго приличія и даже приличія оффиціальнаго. Онъ ни за что на свѣтѣ нигде не войдетъ безъ доклада, между-тѣмъ о немъ почти никогда не докладываютъ; курьеры и сторожа у завѣтныхъ дверей Присутствій и Кабинетовъ, недоступные аргусы для другихъ, ему, какъ извѣстному, торопливо говорятъ: — «пожалуйте, вамъ можно, ничего-съ!» — Когда кто изъ ожидающихъ тутъ съ самаго утра, замѣтитъ Петру Онуфріевичу: — «что это! сколькихъ вы людей знаете! право, у насъ это истинное счастье; и все на свѣтѣ вы сдѣлаете, и можете всѣмъ пособить, и до всего легко добиться!....» — Тогда Петръ Онуфріевичъ, взявъ говоруна за пуговку жилета и, съ чувствомъ глядя ему въ глаза, произноситъ медленно съ *интенцією*: — «Точно, меня знаютъ *нѣкоторые*, но я знаю, что у насъ *все* такъ благорасположены, такъ обязательны!....»

За-то и въ дальнѣйшихъ губерніяхъ уже извѣстно, что въ Петербургѣ есть нѣкто Петръ Онуфріевичъ; но тамъ, какъ и здѣсь, не всѣ проникли въ ту утѣшительную и рѣдкую истину, что онъ несказанно добръ, что безъ своекорыстія, безъ самохвальства, скромно, по чувству сердца и по инстинкту, онъ готовъ пособить каждому и можетъ это легко, вѣрно, не гордясь, не пыскивая себѣ пользы, а только не жалѣя заботъ, трудовъ, забывая о себѣ совершенно. По его хлопотливости и самоотверженности дѣлалась тысяча дѣлъ, въ миллионъ разъ превосходящихъ его рангомъ, ростомъ, дородствомъ; всѣ говорятъ или думаютъ: «какъ онъ силенъ!» а онъ всё тотъ-же Петръ Онуфріевичъ, и не имѣя ничего на свѣтѣ, съ дѣвственно-чистою отъ общей чистоты рукой, скромно поживаетъ своими тремя или четырьмя тысячами рублей содержанія. Удивительное созданіе; феноменъ трогательный, великолѣпный въ своемъ смиреніи!! — «Подождите! подождите! увидите что будетъ!» — говорятъ люди, почти убѣжденные въ строгой истинѣ всего сказаннаго выше, но всё-таки не постигающіе, какъ-же это такъ можетъ быть? — А вотъ увидимъ.

Происхожденіе Петра Онуфріевича не извѣстно; этими предметами вообще занимаются тогда, когда въ томъ нѣтъ уже никакой надобности. Лишь только человѣкъ достоинствами, трудами и заслугами выдвинетъ свой родъ на видную или высокую степень, какъ всѣ тѣ, которые успѣли, напротивъ того, уронить свой, хватаются съ неустовною любознательностью за геральдическія свои превосходства. Э! господа, — что такое ваши триста лѣтъ? хватите-ка тысячами, это поважнѣе; тутъ вы и нападете на поговорочку: «было три сына, Симъ, Хамъ и Афетъ, кто имъ отецъ?....» Не правится вамъ прошлое? беритесь за настоящее, все равно, кто-то сказалъ уже, что оно не болѣе какъ *«обезьяна прошедшаго»*, ну-съ, сознательно, оставивъ въ покоѣ предковъ, которымъ «по дѣламъ была и честь», — на что оказываемся мы годны?... Слѣдовательно умно, что о происхожденіи Петра Онуфріевича ничего неизвѣстно.

Многіе почитаютъ Петра Онуфріевича жильцомъ графскаго дома; другіе говорятъ: онъ побочный его сынъ, онъ его другъ; онъ сирота, приемышъ, благодѣтельствованный съ дѣтства;

иные именуютъ его дальнимъ родственникомъ, иные! Все это вздоръ; еслибъ было что-либо такое, то мы и минуты не занялись-бы этимъ лицомъ, замѣчательнымъ и совершенно утѣшительнымъ, въ эпоху представляющую столь много лицъ замѣтныхъ и столь мало замѣчательныхъ. Петръ Онуфріевичъ былъ-бы тогда человѣкъ — не болѣе. Все вздоръ, доказывающій, какъ неосновательно цѣнить людей и тѣмъ возвышающій достоинства нашего героя.

Еслибъ кто, не зная Петра Онуфріевича, — что почти не возможно, — спросилъ: «кто онъ?» — то ему, какъ я сказалъ, отвѣчали-бы: «тотъ, что при *особѣ*...» А!? вы обрадовались! «Вотъ разгадка! — восклицаете вы; — Петръ Онуфріевичъ состоитъ при *особѣ* графа, а графъ все можетъ, ... понятно!» Воздержитесь ради истины; тутъ-то именно и начинается настоящая загадка. Вы впадаете въ самую грубую ошибку, потому-что заключеніе ваше крайне мелочное, поверхностное, свѣтское, общее, хотя вы, по обыкновенію, отмахиваете его съ рѣшительною самоувѣренностью, прямо съ плеча. Нѣтъ, сударь, тутъ нельзя такъ: Петръ Онуфріевичъ человѣкъ особенный!

Прежде всего просимъ замѣтить, что *особа* вовсе не есть всякая *персона*, водимая кѣмъ-нибудь за носъ и мечтающая о себѣ, будто-бы она уже особа. Ни сколько; должно понимать этотъ рангъ въ существенномъ, а не въ злоупотребительномъ его значеніи; изъ этого очевидно выводится, что и Петра Онуфріевича не возможно смѣшивать съ безчисленными секретарчиками, секретаришечками, фактотумами, состоящими для *препоручностей*, дѣльцами, своимъ, прихлѣбателями, аферистиками, пестунками, довѣренными и многовидными другими домашними упырьками — наѣдкомыи, которые, свободно скача, къ горькой зависти и великому удивленію добродушнаго люда, по какой-нибудь такъ называемой *особѣ*, поднимаются высоко — когда она всходитъ, опускаются — когда она сходитъ; но до времени, пока имъ не вздумается соскочить съ нея, все же питаются и тучиютъ, высасывая кровь этой *особы*, пхъ жертвы, и всѣхъ другихъ жертвъ ея спѣси, властолюбія или общихъ страстишекъ. Тѣ поняли свое назначеніе, какъ пиявка свое: она тотчасъ будетъ сосать, къ какой-бы части тѣла вы ее ни при-

ставили; какъ обезьяна или собачка, которой вы поручили-бы охранять красиво подготовленную яству, отъ прожорливости другихъ животныхъ, часовые эти, для вѣрности, поѣли бы ея сами. Не то съ Петромъ Онуфріевичемъ; состоя именно по призванію, при особѣ настоящей, онъ постигъ призваніе свое такъ, что его ожидаетъ въ жпзни единственный, истинно-заслуженный вѣнецъ, единая возможная награда: — прозваніе самоотверженнаго.

Типъ чрезвычайно рѣдкій и тонкій для удобопостиженія; членъ семейства крайне ограниченнаго, малоплодящагося; остатокъ патріархально-величественныхъ, первобытныхъ породъ, послѣдніе отростки которыхъ безщадно заглушаются новыми мелкими помѣсями! — *Самоотверженный!* — Васъ не поражаетъ уваженіемъ это наименованіе? Понимаю; вы полагаете, что это одинъ изъ вашихъ самоотверженныхъ, про которыхъ ихъ друзья, сподручники и даже они сами, публично кричатъ и всенародно печатаютъ, напр. по случаю поднятія десятилѣтняго ребенка изъ дождевой лужи; по поводу залитія стаканомъ воды горящаго помела, или при дачѣ трехъ двугривенныхъ народонаселенію уничтоженнаго пожаромъ села: — «Достойнѣйшіе Х. У. Z. съ удивительнымъ мужествомъ и *исслыханнымъ самоотверженіемъ*, изхитили изъ пасти смерти любимое дитя, надежду семейства;» — «избавили отъ гибельнаго дѣйствія нестовой стихіи уже пожираемая ею сокровища;» — «щедро и *отчетливо* водворили счастье и спокойствіе, на мѣстѣ отчаянія и нищеты!!»

Нѣтъ, Петръ Онуфріевичъ, какъ все великое, не понять, — потому-что онъ тихъ, скромнъ. Вотъ почему мы столь щепетильно и любовно описываемъ его складъ и привычки, въ сладкой надеждѣ, что со-временемъ, потомки общества настоящаго, найдя, среди останковъ своихъ предшественниковъ, кости этого трогательнаго квадрумана, не отнесутъ ихъ къ породѣ пресмыкающихся плезиосауровъ, но, узнавъ по сообщеннымъ нами признакамъ, поставятъ, можетъ-быть, скелетикъ хоть одного члена изсякнувшаго семейства *настоящихъ самоотверженныхъ*, въ одинъ изъ нравственныхъ музеевъ, вѣроятно имѣющихъ учредить къ тому времени, когда этого рода древности будутъ

столь-же тщательно собираемы и цѣннымы, сколь они *отчетливо* или расчетливо не собираются и не цѣнятся нынѣ.

И такъ, повторяемъ, Петръ Онуфріевичъ графу не родственникъ, не другъ; онъ не побочный его сынъ, не пріемышъ, не секретаришка; онъ при его особѣ, это правда, но для него не важно, что онъ при особѣ графа, а для графа важно, что при особѣ его онъ. Не будь при немъ этотъ самоотверженный, а одинъ изъ вашихъ, тогда послѣднему одному было-бы хорошо; онъ жилъ-бы припѣваячи одну часть своего земнаго поприща, другую провель-бы, можетъ-быть, «блаженствуя въ отставкѣ подъ судомъ,» — теперь, напротивъ того, хорошо всѣмъ.

Петръ Онуфріевичъ не всегда имѣетъ квартиру въ графскомъ домѣ, иногда онъ живетъ очень далеко и Богъ-знаетъ какъ и когда успѣваетъ быть у себя. — Женится онъ необычайно рѣдко, почти никогда; понятно: по бессознательному инстинкту и душевной чистотѣ, онъ не предчувствуетъ въ актѣ женитьбы никакого самоотверженія; по случается, что его женятъ, и это опять понятно тому, кто съ надлежащею деликатностью изучитъ тонкіе органы этой особенной индивидуальности. Зачѣмъ ему жена, дѣти? Привязанность его къ графу переполняетъ его чувства; дѣланіе по призванію, поглощаетъ всю его жизнь. Для дома, для семьи, онъ будетъ тотъ-же, что для всѣхъ; онъ не найдетъ въ сердцѣ особеннаго лоскутка пѣжности особенной; въ дѣлѣ не отыщетъ особенной минуты; онъ весь, по *самоотверженности*, принадлежитъ всѣмъ; онъ вышелъ-бы изъ своей колеи. Но когда ему подводитъ вдругъ жену рука «обожимаго» графа, тогда нѣтъ и быть не можетъ расчетовъ, соображеній, колебанья, сомнѣній, видовъ, торга. Онъ женится. — У него съ-тѣхъ-поръ графъ тоже иногда бываетъ, а жена его и дѣти, хоть въ праздничные дни, идутъ къ сіятельнымъ прямо, съ задней лѣстницы, черезъ дѣвичью и дѣтскую.

Своего круга у Петра Онуфріевича нѣтъ, а развѣ есть два три, какъ-то странно не гармонирующие съ нимъ пріятеля, для которыхъ онъ сдѣлалъ все возможное и вывелъ ихъ довольно высоко. Тонъ ихъ тривиаленъ, наружность — грязенькая и нахальная; но они уже замѣтны, они облагорожены сближеніемъ, которому многіе удивляются, выскивая причину вездѣ, кромѣ

сердца Петра Онуфріевича, гдѣ всѣ пружины его дѣйствій. Въ кругу этихъ лицъ и въ Департаментѣ, къ которому онъ причисленъ, (Петръ Онуфріевичъ во всю жизнь причисляется куда-нибудь, соответственно движенію графской службы), за нашимъ самоотверженнымъ волочатся, его честятъ, а онъ простъ и добрѣ какъ всегда. Тонъ его очень хорошъ; онъ натерся, насмотрѣлся; манера обращаться тотчасъ свидѣтельствуешь, что онъ въ частыхъ сношеніяхъ съ птицами всякаго полета. — Ему извѣстны всѣ городскіе слухи, сплетни салоновъ и даже тайны высшаго общества и высшей службы. О многихъ лицахъ онъ упоминаетъ не иначе какъ: «князь Иванъ, — баронъ Этьенъ, — графиня *Поль* или Алексъ.» Онъ всѣмъ имъ знакомъ, могъ-бы у всѣхъ быть; но не бываетъ, что чрезвычайно замѣчательно. — Никогда еще въ жизни онъ не гулялъ; когда ему? Развѣ только, и то очень рѣдко, перебѣгая изъ Канцеляріи въ Канцелярію, пройдетъ шаговъ десятокъ, въ своемъ комфортабельномъ *макинтошѣ*, съ своей роскошной тростью, застегнувъ воротникъ на самомъ носу, торопливо и привѣтливо, но съ достоинствомъ кланяясь всѣмъ знаменитостямъ, которые, смотря по погодѣ, иногда киваютъ головою, иногда протягиваютъ одинъ палецъ, иногда подаютъ ему всю руку. Два чиновника одного съ нимъ Департамента, пробираясь въ эту минуту сторонкою, на ванькѣ, говорятъ: — «настоящій счастливчикъ этотъ Петръ Онуфріевичъ! Посудите пожалуйста, какую составить себѣ карьеру!?»

Но чѣмъ-же въ существѣ Богъ порадовалъ Петра Онуфріевича? Онъ въ бригадирской степени, да; но ему за сорокъ лѣтъ, онъ болѣе двадцати пяти въ службѣ и всегда онъ это-бы выслужилъ. Далѣе — у него есть какой-то крестъ, и болѣе ничего, кромѣ четырехъ, или около, тысячъ содержанія, которыми онъ существуетъ скромно, удѣляя значительную часть на театръ, составляющій его страсть; ибо онъ самъ не вовсе безъ голоса, можетъ пропѣть куплетикъ, который сочинить при случаѣ, и даже имѣетъ сценическій талантикъ — наиболѣе для водевиля, въ которомъ онъ себя испытывалъ на сценѣ графскаго театра; главное-же то, что въ театрѣ иногда можно питать, черезъ оркестръ, безнадежную и самоотверженную пассію къ пѣвицѣ или хористкѣ. — И такъ, Петръ Онуфріевичъ *многое* —

нѣмѣстѣ—почти *ничего*?— «Изъ чего-же онъ бѣется?» разсуждаютъ нѣкоторые тупые.— «Какъ изъ чего?»—отвѣчаютъ бойкіе—онъ можетъ быть тотчасъ *всплѣсть*, чѣмъ захочетъ; онъ только высматриваетъ и выжидаетъ; развѣ этого мало!» — Еще сильнѣе говорятъ догадливые; но тутъ подходитъ какой-нибудь знающій и оглядываясь, секретно произноситъ:— «Духовная графа готова; въ ней Петру Онуфріевичу..... ну, увидите! этотъ человекъ родился въ сорочкѣ; будто онъ даромъ рѣшительно *ничего не бралъ* во всю жизнь?»

Нужно его видѣть въ то время какъ графъ боленъ, — графъ, съ которымъ онъ себя сшивалъ безраздѣльно. Развѣ не всегда онъ говорилъ: — «слышали вы о *нашемъ* восхищеніи? *намъ* Богъ далъ сына: графиня родила вчера.» — «*Намъ* пожаловали аренду.» — «*Мы* чуть не сгорѣли: ночью вспыхнуло на графской кухнѣ!»—Графъ боленъ! Петръ Онуфріевичъ страдаетъ болѣе его; но, преодолевая себя, дѣлается фельдшеромъ, сидѣлкою, чтецомъ, нянькою, другомъ, камердинеромъ! Нѣжнѣйшихъ попеченій не возможно ожидать отъ сына. Онъ у постели больного проводитъ дни и ночи; прослушиваетъ докторовъ, даетъ лекарства, пишетъ бюлетени..... Истинная печаль добраго человека еще разительнѣе отъ яркой противоположности всѣхъ окружающихъ, родственныхъ и официальныхъ печалей. — Но курносая не смотритъ ни на что, ей надоѣло ждать, она махнула — графа нѣтъ уже. — Петръ Онуфріевичъ убитъ; онъ дышитъ только *самоотверженностію*: не на него-ли должны обрушиться, мучительною тяжестью своею, всѣ хлопоты похоронъ? А онъ хотѣлъ бы теперь рыдать!.....

Петръ Онуфріевичъ совершаетъ высокій подвигъ своего призванія. Онъ торгуется съ подрядчиками украшеній смерти; составляетъ пригласительные списки; разсылаетъ билеты; устроиваетъ кортежъ; провожаетъ въ могилу свое второе, но высшее я; и тутъ, когда онъ шествуетъ удрученный горемъ, вливая между блестящей толпы, странно закутавшей свои отличія въ шинели и шубы (такъ печаль сравниваетъ всѣхъ!), изукрашившей себя треугольными шляпами; тутъ вдругъ его поражаетъ новое, непостижимое злосчастіе. До слуха его долетаютъ дивныя рѣчи: — «Нужно было умереть въ такой холодъ, я продрогъ....» — «Насилу убрался.» — «Говорятъ, отъ злос-

ти, рассердился на директора.» — «О! это известно, составилъ большую часть состоянія этимъ....» — «Глупецъ и пренадутый». — «Вернемся, довольно съ него!..» и пр. — Что дѣлалось съ Петромъ Онуфріевичемъ! У него кружилось все въ головѣ. Взявъ горсть песку, чтобъ бросить на опущенный гробъ онъ медленно сунулъ песокъ въ карманъ, а самъ хотѣлъ кинуться въ могилу, но былъ кѣмъ-то оттащенъ почти въ безпамятствѣ; надъ головой его только прожужжали слова, изъ которыхъ онъ разслышалъ: «*Ma parole!*» — Неужели былъ?» — «*C'est bêtement attaché comme un chien!*....»

Невозможно! — все это было сонъ. Петръ Онуфріевичъ полагаетъ, что у него горячка; онъ не вѣритъ истинѣ событія, прано утромъ бѣжитъ въ домъ графа. — О ужасъ! все это было, точно было! — Его уже нѣтъ! — Графиня рыдаетъ въ уединеніи кабинета, наполненнаго утѣшительницами; ему войти къ ней не ловко; печаль въ домѣ столь глубока, что даже слуги, вѣроятно не замѣчая Петра Онуфріевича, сидятъ и лежатъ, глядя на него какъ истуканы.

Онъ приходитъ завтра, послѣ завтра; наконецъ ему говорятъ, что не велено впускать въ домъ никого. — Тогда онъ бродитъ около дома. Вскорѣ на домъ уже билетъ съ другимъ именемъ; этотъ предметъ слишкомъ жестокаго, раздражающаго душу воспоминанія, проданъ модисткѣ, неутѣшною вдовою, которая собирается подъ новымъ небомъ искать спя для перенесенія тяжелой скорби, и для изготовленія себѣ траура, приличнаго сану и состоянію покойнаго. — Между-тѣмъ нашъ бѣдный самоотверженный не живетъ, а изнываетъ. Все въ бытіи его измѣнилось; ему бѣжать, спѣшить не куда, не къ кому, не зачѣмъ. Онъ сидитъ по цѣлымъ днямъ, опустивъ между раздвинутыхъ колѣнъ руки, склонивъ голову, и почти слыша самъ, какъ сѣдѣютъ его волосы. Объятый ужасомъ, онъ спѣшитъ на улицу, чтобъ не сойти съ ума; тамъ встрѣчаетъ всѣхъ прежнихъ, всѣхъ знакомыхъ, ... по его никто не замѣчаетъ; вѣроятно, его не узнаютъ, онъ такъ измѣнился. — Въ этомъ положеніи однажды его поражаетъ мысль, возвращающая ему всю прежнюю энергію и дѣятельность. Лице его просвѣтлѣло чудеснымъ выраженіемъ, кровь кипитъ; перо скрипитъ по листу бумаги, третья страница размашисто дописывается въ одинъ при-

сѣсть; Петру Онуфріевичу не нужно было справляться, богатый архивъ въ совершенномъ порядкѣ покоится въ памяти его сердца.

— «Еще невознаградимая утрата! Трауромъ покрылась вся столица; но что говоримъ мы о столицѣ!...» — такъ начинался листъ; послѣ бурнаго, глубоко-умилительнаго вступленія, съ тонкимъ чувствомъ перейдены всѣ фазы гражданской и служебной жизни графа, выставлены яркія черты его добродѣтелей и достоинствъ, и съ тихою молитвою заключено: — «Миръ праху твоему, мужъ правды и добра! благословенія согражданъ «нетлѣнными цвѣтами будутъ вѣчно украшать твою могилу; «отецъ приведетъ на нее сына!....» Онъ не зналъ еще, бѣдный Петръ Онуфріевичъ, что на могилѣ той стоялъ уже богатый мраморный памятникъ, трогательная надпись котораго: — «*Покойся милый прахъ до радостнаго утра,*» — ясно выражала, что до этого неопредѣленнаго времени никто не собирался тревожить посѣщеніемъ священную тишину и покой усопшаго.

— «Что это за ералашъ!» — закричалъ старый князь Пжиза, бросая на полъ газету и опрокидывая отъ досады свою чашку кофе; — «цензура ничего не смотритъ; это срамъ, про всякую дрянь печатаютъ, что взбрѣдетъ на умъ! Я чай жена заплатила газетчiku, а сама укатила съ горя...»

Вскорѣ послѣ этого, Петръ Онуфріевичъ получилъ письмо, написанное лавочнымъ почеркомъ, и при немъ что-то, толсто обернутое въ афишку, изъ которой былъ вырѣзанъ спектакль того дня на Александринскомъ театрѣ. Петръ Онуфріевичъ смутился; теперь ему это дико; когда-то онъ распечатывалъ письма сотнями, но къ нимъ никогда не дерзали прилагать посылки. Что это, думаетъ онъ, и краска негодованія ярко выступаетъ на впалыхъ еще щеки. Рука трепещетъ, — печать надломана :

«При вскрытіи духовнаго завѣщанія графа О. О. — усмотрѣно-сь, что его сіятельство соблаговолило отказать вамъ «драгоценнѣйшую табакерку, которую оно изволило имѣть при «своей особѣ сряду семнадцать лѣтъ; а какъ и вы при той-же «ихъ сіятельства особѣ находились такое же время, то въ разсужденіи означеннаго случая, ихъ покойное сіятельство пожелало предоставить оную, въ увѣнчаніе вѣчной памяти ва-

«шему высокородію отъ ихъ графскаго сіятельства и вашего
«благодѣтеля.»

Съ конемъ имѣю честь покорнѣйше пребыть Н. Н.

— Управляющій Графини О. О.

Погнутая табакерка съ изломаннымъ шарниромъ и потертою
черпелкою, была задумчиво положена подъ бѣлье, въ верхній
ящикъ комода....

Боже мой! какъ мало умѣютъ различать людей; недавно, ко-
гда я рассказывалъ кому-то трогательную исторію этого фено-
менальнаго Петра Онуфріевича, его дерзнули смѣшивать съ
тѣми самоотверженными, которыхъ сотни роятся, какъ кома-
ры на солнцѣ. — «Народъ переходный! — замѣтилъ тутъ
одинъ господинъ, вѣроятно изъ ученыхъ, — народъ переход-
ный! чего ожидать отъ смертныхъ этого рода, они вѣдь
спутники, когда даже и между небесныхъ свѣтилъ спут-
ники одной планеты, по уничтоженіи ея притягиваются атмо-
сферою другой! Таково по-крайней-мѣрѣ мнѣніе общее!»

— Я не силенъ въ астрономіи, — отвѣчалъ я, — но если по
сему предмету нужно необходимо браться за планетную сфе-
ру, то позвольте мнѣ замѣтить, что Петръ Онуфріевичъ можетъ
быть всего ближе сравненъ съ *Сатурновымъ кольцомъ*; что
оно, не знаю, а только не такой спутникъ какъ другіе.

«Хорошо! хорошо! — воскликнулъ мой ученый, презри-
тельно улыбаясь; — что же стало съ вашимъ *сатурновымъ*
кольцомъ? съ Петромъ Онуфріевичемъ?»

— Понятно; послѣ столь рѣшительнаго несчастія, онъ со-
вершенно измѣнился; онъ сталъ, какъ очень справедливо гово-
рится — «самъ не свой.» — Утративъ такимъ образомъ свою
самость, онъ необходимо изъ само-отверженнаго сдѣлался
просто отверженный.

О Марѣ Дмитріевнѣ мы расскажемъ въ другое время.

А. Башуцкій.